

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

Мы уже не раз говорили об издании г. Гербеля, отдавая полную справедливость его аккуратности и изяществу. В вышедших в последнее время томах помещены: в V -- "Заговор Фиеско в Генуе", в переводе г. Гербеля (проза), и "Мария Стюарт", в переводе А. А. Шишкова 2-го; в VI -- "Трилогия Валленштейн", в переводе Л. А. Мея ("Пролог" и "Лагерь"), В. А. Лялина ("Пикколомини") и А. А. Шишкова 2-го ("Смерть Валленштейна"); в VII -- "Орлеанская дева", в переводе Жуковского, и "Коварство и Любовь", в переводе М. Л. Михайлова (проза). О большей части этих переводов распространяться не нужно: перевод Жуковского всем известен; гг. Мей и Михайлов давно известны как очень талантливые переводчики. О переводах Шишкова можно заметить, что они теперь уже несколько устарели. Беспредельные повторения *сих, коих, сколь* и пр. неприятно поражают в драматическом произведении. Вообще стих Шишкова нельзя назвать естественным и простым. Попадают фразы вроде: "Любви руке я деятельной этим одолжена"; или: "Облегчите ж сердце мое, чтоб ваше умилила я" и т. п. Но вообще говоря, переводы Шишкова могут еще быть читаемы даже и теперь, тем более что они сделаны очень добросовестно. Перевод г. Лялина тоже читается, хотя и он не чужд тяжеловатости по местам. Мы не указываем частных отступлений и недосмотров переводчиков, потому что, не принадлежа к числу исключительных поклонников Шиллера, не знаем его пьес наизусть, а сравнивать перевод с подлинником стих в стих сочли излишним: на это у нас есть довольно большое количество библиографов... Но наше внимание обратили некоторые пропуски и уклонения от подлинника, сделанные в "Фиеско". Уклонения эти тем более удивили нас, что пьеса написана и переведена прозой, следовательно, по-видимому, не представляла никаких затруднений в переводе... Но, верно, наш язык еще не выработался до того, чтобы выражать некоторые мысли, совершенно легко и свободно выражаемые под пером немецкого писателя. Мы отчасти понимаем даже и причину этого, вовсе не филологическую, а заключающуюся в степени участия нашего общества к литературным произведениям такого рода, как "Фиеско"... Мы, впрочем, не обратили бы внимания и на эти отступления, если бы от них не пострадало до некоторой степени лицо *Веррины*. У Шиллера Веррина представляет образ до того цельный и живой, что каждая фраза его должна быть сохранена именно так, как он говорит ее. Это не человек средних сил и средних стремлений; он не может ни делать, ни говорить в половину. Прямота и неуклонная безбоязненность республиканца выражаются в каждом его слове. Поэтому не совсем ловко выходит, когда он в переводе вместо "тиран" говорит "злодей" или вместо: "Ты конвульсивно содрогался *при одном взгляде на корону*" выражается: "Тебе сжимало сердце *малейшее нарушение прав республики*" и т. п.

Подобные смягчения вредят рельефности лица гораздо более, нежели кажется с первого раза. Стоит всмотреться в смысл шиллеровской пьесы, чтобы заметить, что Веррина должен выставляться как можно резче, неукротимей, беспощадней, -- не только в деле, но и в каждом слове, которых он, впрочем, не говорит даром. Его характер составляет совершенную противоположность с Фиеско, и, преследуя одни цели, они расходятся именно вследствие разницы внутренних побуждений. Фиеско -- тоже ненавидит Дориев, угнетающих Геную; Веррина называет его тоже *den grofsten Tyrannenhasser* {великим ненавистником тиранов (нем.).-- *Ред.*} (название, пропущенное в переводе г. Гербеля). Но Фиеско чувствует ненависть к Дориям именно как к Дориям, как к герцогам, попирающим, между прочим, его собственные преимущества. Поэтому ненависть к рабству не восходит в его душе на степень ненависти ко всякому преобладанию. Он -- человек честолюбивый, человек эгоистический довольно в узких пределах. Оттого-то ему ничего не стоит носить маску так долго и так искусно, что сами друзья и единомышленники его не понимают его поведения. Замыслив низвергнуть Дориев, он пускается в светские развлечения, пьет, гуляет, играет, не потому, чтобы его влекла к тому какая-нибудь страсть, а просто из расчета, -- чтобы обмануть бдительность противников. Между тем он обрабатывает втайне все дело восстания: достает деньги, одобрение иностранных держав, чужеземное войско; а затем -- восстановить народ уже недолго. И вот, в решительную минуту он сбрасывает свою маску и приводит в благоговейное изумление всю партию республиканцев. Он говорит им: "Пока вы тут толковали, я *делал дело*", и все пред ним преклоняются. Но уже в этой спесивой претензии, что он делал дело, заключается